

рование промыслового природопользования, некоторые особенности бытовой культуры и религиозных воззрений – в том числе переплетение православия с элементами славянского и аборигенного язычества.

На рубеже XIX–XX вв. сургутяне представляли собой одну из локальных групп русских северного фронта, которая сформировалась в экстремальных природно-климатических условиях, ориентировалась на посредническую торговлю и промыслы, была связана с городской преимущественно средой и обладала особым самосознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские: история и этнография / под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008. 752 с.
2. Шиловский М.В. Фронт и переселения // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101–118.
3. Народы России: атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина. М., 2008. 256 с.
4. История населенных пунктов Югры: краткий научно-популярный справочник / Е.А. Зайцева, В.П. Клоева, С.Н. Щербич. Ханты-Мансийск; М., 2012. 176 с.
5. Буцинский П.Н. Сургут и Сургутский уезд (1594–1625 гг.) // Буцинский П.Н. Соч.: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2: Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. 328 с.
6. Кастрен М.А. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). 352 с.
7. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. 372 с.
8. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1-й: Люди и порядки за Уралом. 314 с.
9. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. 2-е изд. М., 1905. 402 с.
10. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. [Б.м.], 1889. 87 с.
11. Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюменском, Курганском и Сургутском округах, в двух первых д. чл. Паткановым, в трех последних чл.-сопр. Зобниным и приведенных в алфавитный порядок студ. И. СПб. унив. Николаевым // Живая старина. 1899. № 4. С. 487–518.
12. Лейвин Д.Д. Из воспоминаний. Быт политических ссыльных в г. Сургуте в 1870–1880-х гг. // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 13–33.
13. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края. Этнографический очерк // Зап. Зап.-Сиб. отд. Импер. Русск. геогр. о-ва. 1903. Т. 30. С. 29–230.
14. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 196 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Т. LXXVIII: Тобольская губерния. 296 с.

Статья поступила
в редакцию 21.03.2013

УДК 398.3+930.85

Г.В. ЛЮБИМОВА

РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: terra-gl@mail.ru

В статье рассматриваются традиционные способы противостояния стихийным бедствиям, бытовавшие у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. На основе архивных и опубликованных данных, а также полевых материалов автора описываются меры, предпринимавшиеся крестьянской общиной для вызывания дождя, прекращения засухи, защиты урожая от грозы, града и пр. Особое внимание уделяется способам избавления от эпидемий и эпизоотий.

Ключевые слова: стихийные бедствия, религиозно-магические практики, русское крестьянство Сибири, аграрная культура, менталитет.

Традиционная аграрная культура русских крестьян просуществовала вплоть до 1930-х гг., т.е. до начала массовой коллективизации [1, с. 131]. В основе этой культуры лежало особое уважительное и заботливое отношение к земле, связанное с восприятием ее в качестве одной из основных стихий мироздания, символа женского плодоносящего начала, кормилицы и

прародительницы всего сущего [2, с. 315]. Тесная привязанность крестьянства к земле, принимавшая порой форму мистического поклонения ей, нашла отражение в обычаях и обрядах народного календаря, непосредственно связанных с подготовкой и проведением полевых работ. Не случайно важнейший земледельческий период от сева до жатвы в Сибири, как и в России в целом, обрамлялся обычаями катания по земле, символизировавшими обмен с нивой некой плодородной силой [3, с. 44–45].

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: НИР 6.2069.2011.

Вместе с тем введенное в российский общественно-политический дискурс понятие «власть земли» с 1880-х гг. стало обозначением не только организующего, но и сдерживающего начала, ограничивающего развитие крестьянского хозяйства и процессов аграрной модернизации в целом.

Обращая внимание на всеобъемлющую зависимость крестьянина от ржаного поля, Глеб Успенский писал, что «он (земледелец) весь в кабале у... травинки зелененькой» [4, с. 119, 177]. Таким образом, метафора «власть земли», считает А.Г. Вишневский, явилась выражением главных устоев русского аграрного общества, обусловивших особый социально-психологический тип личности. К числу характерных особенностей такой личности автор относит растворенность в общине, низкую социальную мобильность, неприязнь к нововведениям, а также веру в незыблемость твердо установленных порядков [5, с. 19]. Недостаток средств и возможностей для приобщения к агротехническим новшествам был не единственной причиной, заставлявшей разоренное земельной реформой крестьянство держаться за опыт предков. Не отрицая значения экономических факторов, попробуем выявить иные, в том числе социально-психологические, основы длительной приверженности русских крестьян религиозно-магическим практикам в хозяйственно-бытовой сфере, включая случаи стихийных бедствий.

Аграрная культура сибирских крестьян отличалась значительным консерватизмом. Современники отмечали крайне настороженное отношение сибиряков к нововведениям. К примеру, волостной писарь Ф.В. Бузолин в «Очерке сельского хозяйства в Тюменском уезде» (1851 г.) к явным недостаткам крестьянских нравов относил «грубую недоверчивость» ко всему новому. Более того, «всякий новый способ, облегчавший работу», по его словам, считался у крестьян предосудительным, а в раскольничьих деревнях – еще и греховным. В основе подобных суждений, как сказано в описании, лежали библейские заповеди, согласно которым человек есть «существо, обреченное трудиться в поте лица». Именно поэтому в трудовой этике сибирских старообрядцев (Тобольской губ.) существовало стойкое убеждение, что «при уменьшении трудов в земледелии человек будет... недостоин уже того, чтобы Господь одождил его ниву»¹.

Переход к новым, рациональным способам полеводства затруднялся укоренившимися в сознании крестьян суевериями и предрассудками. В крестьянском хозяйстве с большим трудом прививались выработанные агрономической наукой рекомендации. Глубокий фатализм, выразившийся сентенцией «на все воля Божья», пронизывал всю сферу хозяйственной жизни сибиряков. Так, относительно сортировки семян бытовало мнение: «Уж если Бог захочет поберечь, то чем хошь посеи, все уродится, а то – хоть по зернышку отбирай – толку не будет» [6]. В то же время большое значение в народной

агрономии придавалось выполнению разнообразных религиозно-магических предписаний, направленных на обеспечение хорошего урожая. Повсеместно в России, в том числе в Сибири, на второй и третий день Пасхи представители сельского духовенства ходили по домам освящать приготовленное для посева зерно [7, с. 159]. Для улучшения всхожести семян крестьяне использовали предметы с христианской символикой. Как сообщал Г.С. Виноградов (Иркутская губ.), «хозяйки... кладут (в посевные семена) яишну курушу (скорлупу), хлебные крошки от пасхального розговня и четвережный пепелок. К мешку или лукошку... привязывают мешочек с просвиркой... (и) вербой... (туда же) кладется свечка, с которой Христа погребали... пасошно яичко... (и) краюшка хлеба. Ковды отсеют... краюшку разламывают на мелкие кусочки и разбрасывают по засеянному полю. Так же поступают и с просвиркой»².

Исключительное значение в крестьянской среде придавалось погоде. Состояние природного окружения, определявшее будущий урожай (в том числе такие погодные явления, как дождь, град, буря и пр.), расценивалось в народе как выражение милости Божьей либо как знак кары Господней за соблюдение/нарушение установленных запретов и предписаний. Неустойчивый характер погодных условий Сибири, связанный с частыми засухами, наводнениями, ранними осенними и поздними весенними заморозками, а также регулярные эпидемии и эпизоотии, ежегодный всплеск которых приходился на летние месяцы, – все это предопределило наличие целой системы религиозно-магических мер, выработанных крестьянской общиной на случай того или иного бедствия.

Причины стихийных бедствий традиционно осмыслились крестьянами как наказание за грехи, связанные с несоблюдением религиозно-бытовых запретов и правил поведения. Наиболее частой причиной такого рода выступало нарушение запрета на работу в определенные даты народного календаря – так называемые «грозные праздники», главным из которых считался день «Ильи громоносного» (20 июля ст. ст.). Сибиряки верили, что именно по его воле бывают «проливные дожди, наводнения, засухи и безводья»³.

Характеризуя крестьянский менталитет как «смесь религиозного чувства, смутно понимаемой христианской морали... (и) суеверных предрассудков», А.А. Макаренко отмечал, что «рядовой крестьянин-сибиряк не решится косить или метать сено ни в «Ильинску пятницу», ни в «Ильин день»... чтобы не навлечь гнева Провидения и нареканий со стороны своих общественников» [7, с. 14].

Среди способов борьбы с засухой и другими ситуациями коллективного неблагополучия во второй половине XIX – начале XX в. преобладали христианизированные формы с участием священников, служением молебнов и организацией крестных ходов. В случае засухи, «несвоевременной стужи», а также «при по-

¹ Архив Русского географического общества (РГО). Разр. 61. Оп. 1. № 9. Л. 1 об.–3.

² Там же. Разр. 59. Оп. 1. № 17. Л. 34.

³ Там же. Разр. 55. Оп. 1. № 59. Л. 4.

жарах, неурожаях хлеба, скотских падежах и на людей разных болезнях» крестьяне совершали «молебны с водоосвящением вне селений, на скотских выгонах и пашнях» и обнесением икон «вкруг селений» (Томская губ.)⁴. Аналогичные меры принимались и при нашествии насекомых-вредителей [8].

Забайкальские старообрядцы в таких случаях совершали восхождения к воздвигнутым на окрестных сопках деревянным крестам: «Девки нарядные и бабы на гору ко кресту ходили, распятье поднимали, образа несли». Желаемый результат достигался при непосредственном обращении к высшим сакральным силам – христианским святым, одним из которых молились «от засухи», другим – «от непогоды». Ср.: «Батюшка Илья, намочи наши поля», «Микола Чудотворец, утишь, угомони бурю...» и т.п. (ПМА, 1999, записано от А.П. Чистяковой, 1916 г.р., с. Десятниково, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия). Сами исполнители были глубоко убеждены в эффективности принимаемых мер («священник не успеет помолиться, как дождь пойдет»; «к вечеру, глядишь, тучи нагонит»; «назавтра гроза поднимается»).

Полное или частичное отсутствие христианской символики было характерно для ритуальных действий, направленных на прекращение грозы или града. Обычно для таких целей использовалась печная утварь: при первых признаках непогоды хозяйка бросала с крыльца во двор «что-нибудь из русской печки» – хлебную лопату, заслонку, помело, клюку, сковородник и пр. Такой способ защиты посевов от града, согласно полевым материалам, был распространен повсеместно. Как сообщила А.А. Коршениникова (1905 г.р.), «туча с градом еще идет, а у хорошей хозяйки все уже наготове – как выбросит в огород клюку, заслонку, лопату или помельник, так град и перестанет» (ПМА, 2000 г., п. Манжерок, Майминский р-н, Республика Алтай). Имевшие непосредственное отношение к стихии огня предметы печной утвари играли при этом роль «магических орудий в борьбе с небесной водой» [9, с. 59]. Ту же роль в аналогичных случаях играла икона «Неопалимая Купина» с изображенной в центре горящего куста Богородицей.

Наиболее архаичные детали обрядности зафиксированы в действиях, совершавшихся по случаю эпидемий и эпизоотий – повального мора людей и скота. В очерке П.Ф. Пирожкова описаны события, связанные с бушевавшей в 1892 г. в приобских селах холерой⁵. Указанный год характеризовался как «холерный» не только в Сибири, но и по всей России.

К примеру, Д.К. Зеленин писал о том, что белорусы-католики Виленской губернии «в холерный 1892 год... ткали холст, чтобы не допустить к себе холеру» [10, с. 195]. По данным В.А. Зверева, в Томской губернии с июля по декабрь 1892 г. эпидемией было охвачено 7 городов и 345 селений. Среди мер против морового «поветрия», практиковавшихся крестьянами Верхнего Приобья, автор упоминает «охоту на холеру». В селениях по ночам

раздавались выстрелы: мужчины охотились на холеру, которая представлялась им в образе страшной старухи или женщины с ведрами в руках [11, с. 147, 149].

В числе наиболее пострадавших от эпидемии оказался Барнаульский округ, в который входили и перечисленные П.Ф. Пирожковым селения (Сузун, Мыльниково, Малышево, Тараданово и др.). Заболевание распространялось молниеносно. «Мыльниковский житель Назарка Колтачихин, – читаем в очерке, – вернулся из извоза и привез из Томска-города страшную болезнь – холеру. Приехал и слег... (а) назавтра помер. А вслед за ним понесли на кладбище... покойников. Когда же (дело) дошло до сотни смертей, людей охватила паника. Сузунские обыватели, страдававшие в Мыльниково, бросили все и побежали домой»⁶.

Благодаря квалифицированным и своевременно принятым мерам окружного врача И. Казаринова, последствия холерной эпидемии в Сузунском заводе оказались не столь катастрофическими, как в д. Мыльниковой. Из 870 мыльниковских жителей с 10 августа по 31 сентября умерло более 100 чел. (или более 11 %). При этом в Сузуне, население которого составляло 3717 чел., умерло лишь 24 чел. (менее 1 %) [12, с. 174–175, 178].

Установлено, что в периоды социальных кризисов, когда на первый план выступают интересы коллективного целого, происходит усиление потребности в обращении к мифу, призванному восстановить прежний порядок и гарантировать его воспроизведение в будущем. Проявлением этой потребности может служить возрастание роли архетипических, традиционных мотивов поведения в ущерб рациональным [13, с. 8]. Другими словами, чем меньше у коллектива реальных возможностей противодействовать стрессовым (угрожающим жизни и благополучию) факторам, тем большее место «в общем поведенческом массиве жизнеобеспечения» занимают утилитарно «бессмысленные» и нецелесообразные «символические акции», «создающие иллюзию такого противодействия» [14, с. 61–71].

Судя по указанной рукописи П.Ф. Пирожкова, единственным островком, не затронутым болезнью, оказалась д. Зорино. Действиями зоринцев, собравшихся на сход к старосте, взялся руководить местный колдун Иван Гаврилович Сотников. Деревенские жители считали его «рассудительным и к тому же обладающим тайной знахарской силой». Именно он «решительно настоял» на том, чтобы сделать «обыденную» рубаху, особенность которой заключалась в том, что всю ее – «от обработки льна до последнего стежка» – следовало изготовить в течение одного дня. Описание П.Ф. Пирожкова передает атмосферу исключительной слаженности и эмоционального подъема, в которой совершался обряд. «Деревенские женщины, – как сказано в тексте, – старались превзойти себя. Летела конопляная костра из-под трепала, со звоном шипела железная щетя и тут же кудель попадала в руки прядильщиц. Свистели веретена, а кто-то уже гонял пустую сновалку, готовясь принять пряжу для основы. Кто-то тащил станины кросен

⁴ Там же. Разр. 62. Оп. 1. № 2. Л. 2.

⁵ Пирожков П.Ф. Обыденная рубаха: машинопись // Сузунский районный краеведческий музей.

⁶ Там же. Л. 1.

и остальные части ткацкого стана. К вечеру готовая рубаха на глазах любопытной детворы была повешена как пугало у ворот поскотины⁷.

Полевые материалы не только подтвердили приводимые в очерке сведения, но и позволили проследить бытование описанного обряда вплоть до 1930-х гг. Выяснилось, в частности, что доживший до глубокой старости Иван Гаврилович Сотников (как и его сын Лука Иванович) действительно считался в деревне «знающим» («знатком»). По словам А.Т. Сотниковой (1917 г.р.), во время «большого тифа», когда в деревне «поумирало много людей», было решено «в один день напресть, выткать и сшить рубашку... называлась обыденка, обыденна рубаха...». Делали такую рубаху 10–15 женщин: «Утром собрались, [целый день] лен пряли, ткали, шили», а к вечеру закончили (ПМА, 2000, д. Зорино, Сузунский р-н, Новосибирская обл.). Преимущественно женский состав исполнителей подобных обрядов, считает А.К. Байбурун, свидетельствует не только о том, что мы (вероятно) имеем дело с «женским» вариантом ритуального обновления и очищения мира, но и об особой «ответственности» женщин за такого рода несчастья [15, с. 150].

Ритуальные практики, связанные с изготовлением обыденных предметов, давно привлекали внимание исследователей. В посвященной «обыденным» полотноцам и храмам статье, впервые опубликованной в 1911 г., Д.К. Зеленин подчеркивал, что возникновение самой идеи «обыденности» с психологической точки зрения остается загадочным. В то же время скрупулезный анализ белорусского и западнорусского материала позволил ему прийти к выводу, что магические свойства обыденных предметов заключались в «безупречной чистоте», обусловленной способом их изготовления, исключавшим какой бы то ни было контакт с «нечистой силой». «Во все время своего производства», как писал автор, данный предмет «не сходил с живых рук человека», по этой причине считалось, что «нечистая сила отнюдь не могла сделать с ним чего бы то ни было» [10, с. 204–205, 212]. Наряду с признаком чистоты исключительное значение в данном случае имели полнота и завершенность самого процесса, а также его «спрессованность» во времени. Именно это, по мнению С.М. Толстой, сообщало продуктам труда «сакральность и магическую силу» [16, с. 282].

Характер мышления русских крестьян Сибири, оставшийся вплоть до начала XX в. в значительной степени традиционным, предопределял восприятие стихийных бедствий и других ситуаций коллективного неблагополучия как временный возврат к хаосу, требовавший немедленного восстановления прежнего хода жизни и миропорядка в целом. Мифоритуальный способ стабилизации нарушенного баланса достигался с помощью искусственного воссоздания ситуаций «первотворения», в том числе путем воспроизведения полного технологического цикла в одной из сфер человеческой деятельности, что хорошо видно на примере

обряда изготовления «обыденной новины». Мифологическое значение таких занятий, как прядение, ткачество и шитье, лежавших в основе изготовления «обыденных» предметов, наилучшим образом соответствовало задачам творения и упорядочивания космоса, а также ритуального обновления и очищения мира.

Вместе с тем регулярное воспроизведение обрядов и ритуалов, по всей видимости, помогало крестьянам преодолевать ощущение фатальной зависимости от природно-климатических факторов, создавая психологическую иллюзию активного воздействия на естественный ход природных процессов. Особенно наглядно это проявлялось в обрядовых действиях окказионального типа, цели которых формулировались в наиболее отчетливой и непосредственной форме: вызывание дождя, прекращение засухи, защита урожая от грозы, града и пр. Сюда же относятся традиционные способы противостояния повальному мору людей и скота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова И.В. Традиционное сельское хозяйство на Русском Севере // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 119–138.
2. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.
3. Любимова Г.В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск, 2012.
4. Успенский Г.И. Власть земли // Успенский Г.И. Собр. соч. в 9 т. М., 1956. Т. 5.
5. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
6. Зубрилин А.А. Чем обрабатывать землю и убирать урожай? М., 1924.
7. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб, 1913. Т. 36.
8. Любимова Г.В. Способы борьбы с засухой в традиционной обрядности русских крестьян Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 72–78.
9. Толстая С.М., Толстой Н.И. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 49–83.
10. Зеленин Д.К. Избранные труды по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 193–213.
11. Зверев В.А. Холерная эпидемия в Верхнем Приобье и жизнеохранительное поведение крестьян // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. М., 1995. Ч. I. С. 147–150.
12. Казаринов И. Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе // Алтайский сборник. Томск, 1894. Т. I.
13. Ерохина Е.А. Традиционная культура перед лицом кризисов: способы проживания и противостояния времени // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2010. Ч. II, С. 7–11.
14. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983.
15. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993.
16. Толстая С.М. Обыденные предметы // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 281.

⁷ Там же. Л. 2.